

УДК 81'373.612.2

ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТОВ, РАЗВЕРНУТЫХ С ПОМОЩЬЮ МЕТАФОР

К. С. Филатов*Санкт-Петербургский
государственный
университет**e-mail:
farewell-arms@ya.ru*

Данная статья посвящена роли метафор в развертывании журналистского текста. Анализ показывает, что метафорическое развертывание осуществляется двумя способами. Первый – создание текста посредством нанизывания различных метафор, создающих единый в тексте образ. Второй способ – последовательное уточнение выбранной журналистом одной метафорической модели, то есть актуализация в ней релевантных описываемому объекту признаков. В обоих случаях первоочередной интенцией журналистского творчества является интенция оценки.

Ключевые слова: метафора, оценочная интенциональность журналиста, оценка ситуации, метафорическая модель, развертывание метафоры

В данной статье будет продемонстрировано, что в журналистских текстах метафоры, будучи интеллектуальным механизмом осмысления действительности (как это и утверждалось создателями когнитивной теории метафоры) и выступая индивидуальным способом смыслового развертывания текста, выполняют функцию оценочности, которая «является необходимой частью в формировании журналистской познавательно-ценностной конструкции действительности и выступает средством реализации творческого замысла журналиста – интенциональности» [1]. Метафоры особенно активны в выражении косвенной инвективной оценки, понимание которой требует дополнительных интерпретативных усилий читателя [2]. В нашей статье будут рассмотрены тексты, представляющие речевой жанр «Оценка ситуации» [3]. Его ведущая интенция – выразить неприятие объекта речи – мотивирует дополнительные: 1) привлечь внимание к ситуации, 2) выделить противоречия в ней; 3) подтвердить свое отрицательное отношение к существующему положению дел. Ситуация в этом случае – это длящееся на протяжении длительного отрезка времени положение дел. Все перечисленные интенции реализуются использованием метафор, помогающих подтвердить авторский скепсис по отношению к действительности. Соответствие употребления метафор общим тенденциям развертывания оценочности в журналистских текстах свидетельствует о том, что, хотя создание метафор является индивидуальным средством выражения оценки и их употребление свидетельствует об особой одаренности автора, однако в профессиональной речи действуют общие закономерности употребления этих языковых средств.

Наблюдения за сатирическими художественно-публицистическими текстами показывают, что по использованию метафор среди них выделяется два типа. Первый подтип отличается присутствием внутри текста нескольких метафорических моделей (поэтому назовем его многомодельным), которые, тесно взаимодействуя, формируют образную ткань текста и реализуют основную интенцию – дать сатирическую оценку общественной ситуации в стране.

Начнем с примера текста, в котором сразу укажем на коммуникативные действия речевого жанра, выражающие перечисленные интенции, и далее, в анализе, покажем роль метафор в них.

1) На развалинах цивилизации

Мы тешим себя тем, что мы – наследники Толстого и Чехова, но правда в том, что мы – наследники совка.

Бывали ли вы в Афинах?

Если бывали, то, конечно, помните эту картину: над городом парит Парфенон, а внизу, в буквальном смысле на другом уровне, обитают современные греки...

Это, как правило, милейшие люди, только они не имеют уже никакого отношения к тем, кто создавал Парфенон. Они просто живут на том же месте — ну, и генетически, с поправкой на три века под Османской империей, кое-как восходят к Аристотелю и его современникам...;

2) Но не генетика создает художественные стили и философские школы. Их создает цивилизация.

Русская цивилизация достигла своей высшей точки в XIX веке, с захватом начала XX. Вчерашние азиатские задворки Европы вдруг выдали нагора уникальную культуру: Толстой, Достоевский и Чайковский, Чехов и Рахманинов, Павлов, Менделеев, Шагал, Вернадский... Имена, без которых уже не может представить себя человечество. Абсолютные вершины.

Наш Парфенон.

Эти вершины выросли на исторически новом для России европейском самосознании, на преодолении всех этих уваровых-победоносцевых... Так яхта, при правильно поставленных парусах, идет против ветра.

Но слабость системы определяется, как известно, слабостью слабейшего звена...

Окаменевшая византийская политическая культура, трагическая неспособность к самоорганизации швырнула Россию на камни ее XX века — со всеми прелестями тоталитаризма. Чеховские сестры если и избежали изнасилования революционными матросами, то только по возрасту;

3) В воспоминаниях Нины Берберовой с аккуратным отчаянием зафиксированы судьбы тех, кто составлял просвещенный слой России, ее несбывшееся будущее: расстрелян, репрессирован, умер от тифа, пропал в лагерях, убит при попытке перехода границы... Сама она десятилетия напролет жила в изгнании на грани нищеты, голодал и ее муж, великий поэт Ходасевич, даром не нужный свихнувшемуся времени.

Те, кто остался, выжили в СССР, либо перерождались в нечто печально-советское, либо доживали жизнь маргиналами, благодарными судьбе за саму возможность сохранения этой жизни.

Новое Российское государство в 1991 году сгоряча объявило себя наследником той великой цивилизации и по инерции продолжает сегодня делать вид, что оно наследник и есть, но одного взгляда в биографии российских начальников достаточно, чтобы понять: они наследники тех, кто эту цивилизацию угробил. Выходцы из комсомола и Лубянки с важными ломброзианскими лицами рассуждают о патриотизме, но песок — неважная замена овсу, Путин — Столыпину, а Скойбеда — Анне Ахматовой. Дмитрий Rogozin, надо заметить, так и не поместился в бруслиловский окоп на западном направлении, и братьев Турбиных трудно представить себе под командованием Шойгу...

Не срастается картинка.

Государство, разумеется, пускает на экспорт Наташу Ростову и русский Серебряный век, но внутри давно правят бал ущербные середняки с навсегда погубленным сознанием.

Недавнее столетие со дня смерти Льва Толстого хозяева страны стыдливо спустили на тормозах и правильно сделали: от Льва Николаевича им прилетает прямым в голову из каждого абзаца; конечно, не стоило расстраивать россиян отношением Толстого к «патриотизму» и казенному православию.

А уж нынешней России, почти пародийно совковой и сходящей с ума в военно-патриотическом угаре, хоть запрещаай Толстого вообще!

Парфенон великой русской культуры висит над нами как память о былом величии, к которому мы, здешние, уже не имеем почти никакого отноше-

ния. Кстати, и генетически тоже, потому что потомки тех, кто создавал этот **плодородный слой**, по преимуществу убиты или рассеяны по белу свету. Потомков убитых по понятным причинам осталось больше <...>».

Эта публикация Виктора Шендеровича появилась в 16-м номере от 19.05.2014 в «The New Times». Pamфлетное письмо в тексте создается довольно сложным взаимодействием нескольких метафор*. **Интенция привлечения внимания к объекту оценки** осуществляется уже в заглавии, в котором разворачивается метафора «цивилизация – это творение»: *На обломках цивилизации*, в котором выражена идея противопоставления величественной целостности творения (*цивилизация*) и жалких его остатков после разрушения (*обломки*). Из первых строк текста ясно, что основой разворачивания инвективы становится **противоречие** между тем, какое место российский народ в истории себе приписывает, и какого места, по мнению автора, заслуживает. Это противоречие – источник памфлетной идеи – выражено в метафоре «величие и падения – это духовные состояния нации»:

Мы тешим себя тем, что мы – наследники Толстого и Чехова, но правда в том, что мы – наследники совка.

Как видим, заостряет инвективу разворачивание метафоры противопоставления вершинным проявлениям нации в Толстом и Чехове жалкого – в совке. Это противопоставление далее развивается в метафорическом сравнении, где повторяется семантика противопоставления, уже пространственного, верх-низ. Вверху – над греческой столицей Афины парит Парфенон (и древние греки – его создатели), Аристотель и его современники – проявления великого состояния нации, современные же греки внизу: *на другом уровне, восходят*. Метафора усилена стилистическим противопоставлением высокой лексике – разговорности фразеологизма: Парфенон *парит*, греки – *милейшие люди*. Смысл метафоры оттенен и использованием противопоставлений: *...тешим, но правда в том..., отрицания не имеют отношение, литоты просто живут, с поправкой, кое-как восходят...*

Интенция выделения наиболее важных проявлений противоречия выражена дальнейшим разворачиванием метафор «цивилизация – это творение» (*художественные стили и философские школы создает цивилизация*), «величие и падения – это духовные состояния нации» (*русская цивилизация достигла своей высшей точки в XIX веке, с захватом начала XX. Вчерашние азиатские задворки Европы вдруг выдали на-гора уникальную культуру: Толстой, Достоевский и Чайковский, Чехов и Рахманинов, Павлов, Менделеев, Шагал, Вернадский... Имена, без которых уже не может представить себя человечество. Абсолютные вершины. Наш Парфенон. Эти вершины выросли...*). Величественность упомянутых фактов развития русской цивилизации подчеркнута торжественной интонацией, которая создается прежде всего номинативными предложениями и высокой лексикой.

Вместе с прямым указанием на условия возникновения великих творений (*исторически новое для России европейское самосознание, преодоление всех этих уваровых-победоносцевых...*), появляется косвенное, выраженное с помощью метафоры «яхта – это государство, система» (*Так яхта, при правильно поставленных парусах, идет против ветра*) указание на условие верного движения транспортного средства (т.е. государства) – правильно поставленные паруса. Эти новые метафориче-

* Стоит заметить, что проблема сочетаемости метафорических моделей была поднята уже в классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4], а на материале русской политической метафористики развита А. Н. Барановым [5] (Нужно оговорить, что А. Н. Баранов понимает метафорические модели не совсем так, как это принято в настоящей статье). Однако в обоих случаях исследование проводилось применительно к единичным метафорическим выражениям, реализующим более одной модели, а не к целым текстам, так что проблема принципов взаимодействия метафорических моделей на уровне целого текста, которая в рамках данной статьи может быть лишь поставлена, но не решена, еще ждет своего исследователя.

ские модели помогают выделить противоречия в общественной ситуации, демонстрируя слабости в современном государственном устройстве – неверно взятый курс на развитие. При отсутствии нужных условий величие в духовном состоянии нации сменяется падением. Как видим, общая линия противопоставления вершинного и низкого продолжает структурировать образную ткань публикации, составляя ее подтекст, а поддержать эту важнейшую смысловую линию помогает следующая метафора: «литературные герои (высокое) – реальность духовного состояния общества (низкое)» (*Чеховские сестры если и избежали изнасилования революционными матросами, то только по возрасту*).

Для раскрытия причин происходящего в духовном состоянии нации метафорическое изображение сменяется оценочным (*Но слабость системы определяется, как известно, слабостью **слабейшего** звена...*), оценка оттеняется использованием формы превосходной степени. Далее оценка закрепляется тезисом о причинах падений состояния государства, выраженным оценочными метафорами «камень – косность, неспособность к развитию» (*окаменевшая византийская политическая культура, трагическая **неспособность** к самоорганизации швырнула Россию на камни ее XX века – со всеми прелестями тоталитаризма*). Следующая, центральная часть публикации посвящена подтверждению этих оценок.

Коммуникативное действие обоснования скептического отношения к ситуации осуществляется отсылками к опыту исторического и культурного развития страны, историческими аллюзиями, которые также строятся с помощью метафор. Отрицательная оценка современной России зиждется на сравнении ее нынешнего состояния с состоянием столетней давности. Здесь продолжает активно «работать» метафора литературных персонажей (*пускать на экспорт Наташу Ростову, братьев Турбиных трудно представить под командованием Шойгу*), которых даже невозможно поставить в один ряд с нашими современниками. В этой части публикации обращает на себя внимание повышенно частотное употребление сниженно-разговорных слов и выражений, в том числе жаргонизмов (*угробить, середняки, свихнувшись, прилетает прямым в голову*), которые характеризуют проявления низкого в нации. Завершается этот фрагмент печальной констатацией того, что современные россияне даже генетически не могут быть названы наследниками граждан прошлой России. Не то что метафорически.

Таким образом, мы видим, что использованные метафорические модели существуют в приведенном тексте не сами по себе, а как внутренне согласованная, неслучайная система: «цивилизация – это творение», «вершины и падения – это духовные состояния нации», «государство – это транспортное средство (судно)», «литературные факты – это реальность», «время – это человек», «культура – это природный объект». Внимательно глядя на этот неполный список, нетрудно заметить семантические переключки и даже повторы внутри него: среди левых членов (объектов метафоризации) повторяется «цивилизация» и присутствует слово из того же семантического поля «культура», «люди» переключаются с «литературными персонажами» и образуют «государство», существующее во «времени»; среди правых членов (источники метафоризации) дважды встречаются «природные объекты», дважды используется олицетворение, а «строение» и «транспортное средство» могут быть сопоставлены как созданные человеком, культурные. Создаваемые этими моделями подтекстовые смысловые течения и реализуют инвективную оценочность памфлета.

По терминологии, введенной в уже упомянутой статье А.Н. Баранова, в тексте присутствуют «денотативно связанные» метафорические модели, то есть одному понятию подбираются разные источники сравнения (цивилизация мыслится и как строение, и как одушевленное существо). Причем один источник метафоризации используется по отношению к нескольким явлениям (персонифицируются и время, и цивилизация). «Смысловая «техника» создания таких структур состоит в умении реализовать в одном образе отдельные самостоятельные парадигмы и одновременно – не менее убедительную естественную связь между их правыми элементами. Субъек-

тивное впечатление от такого образа основано на ощущении того, что что-то «получилось» (словно от картинки из кусочков, которая «получилась» или от пасьянса, который «вышел») [6, с. 238].

Все это создает неоднозначную, узорчатую картину смысла. Важные для автора смыслы (картины падения духовного состояния общества) повторяются в метафорической модели «литература – это реальность»*: «чеховские сестры избежали изнасилования», «братьев Турбиных трудно представить себе под командованием Шойгу», «пускает на экспорт Наташу Ростову», «от Льва Николаевича им прилетает прямым в голову из каждого абзаца». Вывод, к которому подводят нас рассуждения автора, может быть сформулирован следующим образом: культурное наследие реально, как сама жизнь, и последняя должна подчиняться идеалам первого.

Еще раз подчеркнем, что в памфлете оценка подтверждается метафорическим рассуждением, развертыванию которого способствует использование средств разных уровней языка: лексических, морфологических, синтаксических.

Развертывание текста осуществляется здесь при помощи нескольких метафорических моделей. По всей видимости, не существует никакой строгой грамматики их взаимодействия, которое, однако, подчиняется принципу создания содержательного и формального единства. В этом подтипе наблюдается тенденция к метафоризации заголовка, а также к удержанию живой образности во всем тексте. Однако механика текста и интенциональные предпосылки его создания здесь более сложны, чем в текстах, где доминирует одна метафорическая модель.

Наблюдения за журналистской практикой показывают, что в медиасфере чаще встречаются тексты, в которых метафорические элементы используются не спорадически, а системно и служат не средством создания единичного образа, а принимают на себя роль организующего всю текстовую конструкцию каркаса. Иными словами, речь идет о метафорическом текстопорождении. Базовую метафору, которая развертывается в тексте, мы будем называть текстовой метафорической моделью (ТММ). Такое словоупотребление представляется вполне закономерным, если учесть, что метафора является важным атрибутом мышления и средством познавательной деятельности человека [7]. «Метафора близка к понятию модели в своем общепознавательном смысле. Моделирование при этом понимается как сам процесс познания, ибо познать объект – значит создать его модель» [8, с. 138].

Обратимся к памфлету Виктора Шендеровича, опубликованному в интернет-СМИ «Ежедневный журнал» 18 июня 2014 года, который с точки зрения участия в тексте метафоры существенным образом отличается, например, от предыдущего из «The New Times», приведенного в начале. Памфлет также принадлежит к речевому жанру «Оценка ситуации», где средством передачи оценочности является развертывание метафоры. Соответственно, базовой интенцией для журналиста, создающего тексты на основе одной метафорической модели, также является интенция инвективной оценки. Напомним, выразить неприятие объекта речи помогает реализация дополнительных интенций: 1) привлечения внимания к объекту речи; 2) выделения противоречий в нем; 3) аргументации своего неприятия к существующему положению дел [3, с. 189]. Первая интенция выражена рекламным заголовком в вопросительной форме, эпатажностью содержащейся в нем метафоры, развертывание которой позволяет выразить последующие интенции речевого жанра:

1) По любви?

2) *Если попытаться одним словом определить то, что сделал с Россией Путин, это, наверное, будет слово «растление».*

* Повышенная частотность проявлений данной модели в тексте позволяет воспринимать ее как основную, что автоматически наводит на мысль об иерархической (в данном отношении) структуре текстов многомодельного подтипа.

Это ведь не было насилием, не правда ли? Он ведь только предложил ей, дурочке, а пошла она за ним, согласитесь, вполне добровольно. Он польстил ей, отметив ее красоту и величие, прельстил халявой, сыграл на чувстве ностальгии... Он хотел власти над ней, но ее готовность закрыть глаза, думаю, стала неожиданностью для него самого.

Все получилось довольно легко.

Эта легкость дала ему основания презирать ее, и не будем судить его за циничную усмешку, застывшую на лице, — это ведь так понятно! Он знает, что ей надо, а надо ей, дурочке, так немного... Когда-то, в демократической юности, у нее были какие-то смутные нравственные запросы, но теперь — теперь они уже слишком долго вместе на его условиях, чтобы менять правила.

3) Она — его, пока у него есть силы (она любит силу) и деньги на водку и побрякушки. Водку она любила всегда, а на побрякушки он ее подсадил. Она уже не представляет, как можно жить иначе.

«Если не он, то кто?» — спрашивает она себя между второй и третьей (инаугурацией) — и пьет до дна за то, чтобы не в последний... И идет к зеркалу любоваться на себя, потому что очень себе нравится!

Это немного удивительно окружающим, которые видят, во что она превратилась за эти годы. Но она смотрит на себя влюбленными глазами, не отвлекаясь от этого занятия даже во время законодательных актов. Хотя, казалось бы, могла бы уже почувствовать.

Ей хорошо, дурочке. И она готова и дальше отдавать ему себя и своих детей».

Итак, первое, что обращает на себя внимание в вышеприведенном памфлете, — это особая плотность текста, связность почти всех его элементов. Как известно, связность — это «семиологическая категория, представляющая собой основной текстообразующий фактор» [9, с. 376]. На материале политических текстов было показано, что «к числу обеспечивающих связность текста элементов языка во многих случаях относятся и система метафор <...> Организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель» [10, с. 128]. Более того, применительно к текстам публицистического стиля доказано, что в них, помимо традиционных средств межфразовой связи используются «те средства, которые не только объединяют предложения, но и усиливают воздействующую сторону газетной речи, т.е. совмещают функцию связи и какую-либо стилистическую функцию (оценочную, характерологическую, подчеркивания отдельных элементов текста и т. д.)» [9, с. 379-380]. На примере текстов рассматриваемого типа особенно хорошо заметно совмещение текстообразующей и оценочной функций метафорической модели.

Инвективная семантика публикации прочитывается уже в вопросительной интонации заголовка, выражающей авторское сомнение в том, что единение российского народа и его руководителя имеет духовную основу. Все присущие речевому жанру «Оценка ситуации» интенции реализуются далее в тексте использованием двух образных метафор — России как молодой женщины и ее растлителя. Тем самым можно говорить о доминировании одной метафорической модели, из которой выводятся разнообразные следствия, конгруэнтные, с точки зрения автора, описываемому положению дел. Избранная модель как бы проверяется данным текстом на эвристичность. «Чем больше признаков входит в основание сравнения, тем выше моделирующее качество метафоры» [11, с. 213]. Эти признаки в поверхностной структуре текста представлены в виде набора метафорических пропозиций. В данном тексте такими пропозициями становятся: «Россия — это женщина», «Путин ведет себя как растлитель» и весь набор следствий из контаминации этих двух пропозиций («Путин польстил России», «Россия закрыла глаза», «Россия любит силу, водку и побрякушки», «Россия — дурочка», «Россия была юной», «Россия и Путин — любовная пара», «Россия любит себя», «Россия отдает Путину своих детей»).

Зачин, который представлен первым предложением текста, вводит метафорическую модель, содержащую стилистически маркированный элемент «растление», что задает инерцию оценки всему последующему тексту. Вторая часть статьи как будто бы исследует причины установившегося положения дел, однако аргументация авторской позиции здесь подменяется формами создания диалогичности: риторические вопрос и восклицание, прямое обращение к читателю («согласитесь»). Основной тип речи второй части – повествование, что вполне естественно. Необходимо только добавить, что цепочка глаголов прошедшего времени совершенного вида, столь характерная для данной речевой формы, целиком состоит из метафорических звеньев.

Третье коммуникативное действие жанровой модели – подтверждение инвективной оценки – в данной публикации метафорически описывает авторское видение современной внутрисполитической ситуации в России. Собственно метафорическая модель и является здесь основой оценки, несмотря на использование и других оценочных компонентов, например разговорного «дурочка». Памфлет построен на подтверждении инвективы эмоциональными аргументами, фактуальные аргументы в публикации отсутствуют. Степень доверия читателя к тому, о чем здесь говорится, по всей видимости, находится в прямой зависимости от удачности наложения (то есть от количества соответствий) выбранной метафорической модели на ситуацию, т.е. подтверждением оценки, выраженной метафорической моделью, является сама эта модель.

Любопытно отметить, что, согласно «теории ментальных моделей», читатель воспринимает любой текст посредством создания его модели. «На первой стадии поверхностное понимание (understanding) высказывания создает пропозициональную репрезентацию, которая близка к поверхностной форме предложения. <...> Вторая стадия понимания, которая является факультативной, использует пропозициональные репрезентации в качестве основы для построения ментальной модели, структура которой аналогична положению дел, описываемому дискурсом» [12, с. 235]. При понимании обычных текстов, согласно Джонсону-Лэрду, ментальные модели суть продукт активной интерпретативной деятельности читателя, направленной на конструирование и корректировку модели: «...ментальная модель есть единичный представительный образец из множества моделей, удовлетворяющих утверждению. При этом не предполагается, что множество моделей, удовлетворяющих тексту, уже построено, и из этого множества выбирается образец» [12, с. 254 – 255]. Можно сделать предположение, что при восприятии текстов, развернутых с помощью метафорической модели, эта последняя будет во многом совпадать с ментальной моделью текста, и, значит, она предзадана читателю, а не формируется его перцептивной активностью. Это позволяет сделать вывод о возможности таких текстов быть средством манипуляции.

Важно отметить, что эстетический и прагматический эффект от подобных текстов создается за счет постоянного переключения с прямого прочтения на метафорическое и наоборот, то есть за счет читательского осознания «семантической двуплановости» метафоры, которая является ее основополагающим свойством [13].

Чтобы полнее раскрыть особенности текстов, построенных на развертывании одной метафорической модели, рассмотрим фельетон Ольги Серебряной, опубликованный в 19-м номере журнала «Город 812» от 09.06. 2014.

«Лиса знает много вещей, а еж только одну, но большую»

*В последние недели стало ясно, что машина времени все-таки была изобретена – иначе как объяснить **стремительное погружение Великой России в далекое прошлое?** В Сети, например, сейчас только и разговоров что про школьную программу по литературе, Толстого, Солженицына и «Архипелаг ГУЛАГ».*

<...>

*Разгорелась **дикая** дискуссия, потому как знатоки сразу же вспомнили, что лет 150 назад современники предъявляли ту же претензию Толстому: в «Войне и мире», мол, сознательно искажены многие факты, поэтому читать роман нет*

никакого смысла. Что же теперь – и Толстого не изучать? Да это же святотатство!

Труднее всего понять, почему фактографические огрехи Толстого оказались вдруг такой животрепещущей темой. Я, помню, читала подробный обзор документально-мемуарных опровержений разных реалий из толстовского романа в эссе Исая Берлина «Еж и лиса» (1953). То есть в 1953 году все было уже давно упорядочено и выстроено в линейку. Но эссе мне это вспомнилось по другой причине. Берлин начинает свое исследование о Толстом с цитаты из Архилоха: «Лиса знает много вещей, а еж – только одну, но большую».

Похоже, **именно этот классификационный принцип**, который позволил Берлину объяснить кажущиеся противоречия толстовского мировоззрения, **полезен для понимания** текущего состояния российских умов. Дело в том, что **оппозиционная интеллигенция в России явно ежовая**. Единственная известная ей большая вещь – это школьная программа по литературе и место в ней Великого Писателя Земли Русской. Исходя из этой громадной вещи она готова объяснять **все подряд** – от политических процессов до сроков отключения горячей воды в летний период.

Беда только, что интеллигенции в России противостоят не такие же государственные ежи, знающие одну большую истину (например, про роль Сталина в истории), а форменные лисы. И вот пока ежики ломают друг другу иголки в спорах о Солже, государственные лисы занимаются зачисткой общественного поля от подобных себе, но оппозиционных лис. Например, публично выясняют степень плоскостопия, которым страдает соратник Навального Григорий Албуров. Албуров, как выясняется, не служил в армии по причине плоскостопия. Поэтому глава Союза ветеранов Афганистана, депутат от ЕР Франц Клинецвич обратился к военному комиссару Москвы с такими словами: «Плоскостопие господина Албунова – не такой серьезный диагноз, как помешавшие военной службе его руководителя г-на Навального врожденные пороки развития органов и систем мозга. С диагнозом плоскостопие один из моих сослуживцев призывался в ВДВ, десантировался в экипаже боевой техники, участвовал в боевых операциях».

Мораль, в общем, ясна: хочешь быть оппозиционером в России – обсуждай место Солжа в школьной программе. А если тебя волнуют откаты, офшоры, проблемы ЖКХ и прочие мелкие истины, то имеется три опции: в тюрьму, под домашний арест или в войска ВДВ.

Ежам же из интеллигенции вроде бы и хочется обсудить эти мелкие темы, но они же ежи, и где хочется, там и колетса».

Фельетон можно отнести к речевому жанру «Оценка ситуации», поскольку его композицию составляет все та же последовательность коммуникативных действий: 1) привлечение внимания к объекту речи, 2) выделением противоречий в нем; 3) аргументацией своего неприятия к существующему положению дел. Фельетон построен так, что, отталкиваясь от конкретного случая, приходит к обобщающей характеристике общественной ситуации. Такому обобщению способствует аллегорическая форма письма. Первое коммуникативное действие выражено сообщением об интернет-дискуссии по поводу школьной программы по литературе, и здесь автором сразу же метафорически обозначены параметры общественной ситуации – Россия погружается в прошлое. Далее эта оценка подтверждается некоторыми историческими фактами. Центральная часть публикации, которая посвящена отражению положения дел в определенном общественном пространстве, показывает характер отношений между разными участниками ситуации. Оценка противоречий между ними в данной ситуации осуществляется введением метафорической модели, которая поднимает негативную оценку до уровня обобщения относительно современного общества, точнее «текущего состояния российских умов». Разъяснением метафоры «интеллигенция – ежи»

вскрывается, по существу, общественное противоречие («ежам» противостоят «лисы»), после чего описывается поведение «лис». Причины противоречий не вскрываются, хотя принимая во внимание отсылку к историческим фактам в виде аллюзий, можно сделать вывод о том, что такое положение дел имело место в России всегда. Не предлагается и возможного выхода из сложившейся ситуации, то есть оценка в этой статье, как и в предыдущей, носит окончательный и обличительный характер с налетом обреченности. Дополнительным средством выражения оценки выступает ирония, формирующаяся использованием гиперболы и литоты: «исходя из этой громадной вещи», «прочие мелкие истины».

Фельетон Ольги Серебряной заметно отличается от памфлета В. Шендеровича по занимаемому ключевой метафорой объему, однако тот факт, что реализации базовой метафорической модели занимают сильные позиции текста (заголовок и окончание), а также распределение смысловой нагрузки позволяют отнести статью к выделенному типу*. Поэтому мы с полным правом можем сопоставить две эти публикации.

Текст Ольги Серебряной написан в жанре фельетонного комментария, в то время как текст Виктора Шендеровича скорее можно отнести к памфлету. Тем самым высоковероятно, что техника развертывания метафоры не знает жанровых границ в журналистике. Многие композиционно-структурные различия материалов объясняются именно их разной жанровой природой, например в публикации «По любви?» метафорическая модель вводится первым предложением, что практически невозможно для комментария, в начале которого необходимо обрисовать комментируемую ситуацию. Фельетон Ольги Серебряной насыщен фоновой по отношению к основному смыслу, сосредоточенному в метафорической модели, информацией, рассуждение же Виктора Шендеровича направлено исключительно на осмысление одной проблемы в жестких рамках метафорической модели. Из этого можно сделать вывод, что метафорическая модель со своими следствиями может быть как единственным содержанием текста, так и его образным каркасом, к которому «прикрепляется» та или иная информация.

Основное отличие материала Серебряной заключается в типе базовой метафоры, и дело даже не в том, что здесь используется зооморфная метафора в противовес антропоморфной в первом случае. Иной сам характер метафоризации: основания сравнения не обнаруживаются в ходе развертывания текста, а задаются сразу же двойной отсылкой к Берлину и Архилоху, эти основания эксплицирующей. Следовательно, признаки, которые переносятся на объекты метафоризации (либералов и чиновников), не вычлениваются читателем из структуры метафорических концептов «еж» и «лиса», а указываются автором, как бы объясняющим смысл метафоры. Поэтому в тексте О. Серебряной метафорические пропозиции являются скорее эмоциональной иллюстрацией метафорической модели, а не ее прямыми следствиями. Однако их текстовая подчиненность этой модели, как и эмоциональный характер используемой аргументации, не вызывают сомнений.

Из неслучайных сходств также следует обратить внимание на то, что в обоих случаях заголовок антиципирует метафорическую модель, что является довольно важным показателем текстообразующей силы последней. Именно эта сила и позволяет выделить в медиасфере среди текстов, развернутых с помощью метафор, отдельный подтип, который условно можно назвать одномодельным.

В целом, можно согласиться с выводом, полученным на основе анализа политических текстов: «...развертывание в тексте метафорической модели (особенно при метафоричности заголовка) может быть важным средством создания образной когезии, оттошений проспекции и ретроспекции, которые, в свою очередь, способствуют обеспечению связности политического текста и целостности его восприятия» [10, с. 131]. Однако

* Легко заметить, что невыделенные (неметафорические) фрагменты текста либо служат зачином для того, чтобы ввести метафорическую модель, либо поясняют ее.

стоит помнить о том, что развертывание метафорической модели (возможное, кстати, не только в политических текстах) задает тексту не только внутреннюю связность, но и особый характер всей текстовой конструкции, который необходимо учитывать.

Обобщая, можно отметить следующее. В журналистских текстах метафора может выступать средством развертывания текста, причем это развертывание подчиняется общим, присущим данной профессиональной сфере закономерностям развития идей.

Следует подчеркнуть, что такие тексты вызываются к жизни потребностью в ярко оценочном высказывании относительно каких-либо социальных явлений. Рассмотренные подтипы подобных текстов и их развертывания можно условно обозначить как многомодельный и одномодельный. В текстах первого подтипа происходит сложное взаимодействие метафор, рисующее особый смысловой узор. Тексты второго подтипа представляют собой совокупность следствий одной метафорической модели.

Все рассмотренные тексты, относясь к жанру «оценка ситуации», трансформируют выявленную жанровую схему за счет в первую очередь отсутствия фактуального подтверждения выносимой оценки. Используемая аргументация носит эмоциональный характер, поскольку в качестве аргументов активно использует аллегорические описание и повествование.

Список литературы

1. Стилистика русского языка и литературное редактирование / Под ред. Л. Р. Дускаевой (В печати).
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М.: Гнозис, 2006. — 376 с.
3. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. — СПб.: Изд. 2-е. — СПбГУ: Филол. факультет, 2012. — 247 с.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон — М.: ЛКИ, 2008. — 256 с.
5. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2. — С. 73 — 94.
6. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. — М., 1995. — 491 с.
7. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // *Metaphor and thought*, ed. by Ortony A. — Cambridge, 1993. — P. 202 — 251.
8. Лапина Э. А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) // *Метафора в языке и тексте*. — М.: Наука, 1988. — С. 134 — 145.
9. Котурова М. П. Связность речи (как текстовая категория) // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. — 2-е изд. — М. Флинта : Наука, 2006. — С. 376 — 381.
10. Шехтман Н. Г. Реализация текстообразующей функции концептуальной метафоры в политическом тексте // *Политическая лингвистика*. — 2008. — №3 (26). — С. 128 — 131
11. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. — 819 с.
12. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // *Новое в зарубежной лингвистике*. — М., 1988. — Вып. XXIII. — С. 234 — 257.
13. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

THE FEATURES OF JOURNALISTIC TEXTS EXPLICATED BY METAPHORS

K.S. Filatov

*Saint Petersburg
State University*

*e-mail:
farewell-arms@ya.ru*

This article analyses the ways of metaphorical texts explication. It is possible to speak about two the most stable types of texts in contemporary media sphere that marked by the way of metaphorical explication. The first type explicates several metaphorical models and the second type explicates one metaphorical model. These types are chosen by the journalist for assessment of different social phenomena.

Keywords: metaphor, journalist's assessment intention, assessment of the situation, metaphorical model, expansion of metaphor.